

журнал № 9  
Театр и драматургия  
март 1933 г.  
Москва

500

# ДРАМАТУРГИЯ СУХОВО-КОБЫЛИНА

## и театр мейерхольда

Д. ТАЛЬНИКОВ

В лучших спектаклях мейерхольдовского театра обычно так бывает, что сначала борешься с Мейерхольдом, целиком не принимая его—видишь огромнейшие провалы и несуразности, ощущаешь некую формалистическую и эстетическую пряность—вторую его неотъемлемую природу,—потом начинаешь в чем-то уступать и уходишь в некоторой большей или меньшей власти того целого, что им сделано, того особого мира, который им создан,—хотя бы, повторяю, этот мир и был населен не всегда идеологически и художественно близкими вам существами.

Причина этого—наличие подлинного творчества или элементов его,—а только такое творчество свежо, оригинально и вызывает ряд эстетических эмоций,—наличие часто и весьма спорной, но всегда своеобразной интерпретации, вызывающей брожение мыслей. Мейерхольд проблемен насковзь, он все перетряхивает в уже хорошо известном вам драматургическом материале, «остранит» его, покажет его вдруг с новой и необычной стороны, в плане новизны, всегда обостряющей восприятие и всегда сопутствующей истинному творчеству.

И новизна эта вызвана не только чисто формальными, механическими моментами. Мейерхольд—возбудитель эмоций и мыслей, «бродильное начало», которое так нужно в дни строительства новых творческих методов. Поэтому он всегда спорен, дискусионен в своем творчестве, всегда бушует, ругается, нападает, или отплывывается, даже тогда, когда уходит вдруг в затасанную обитель, в свое «тайное тайных», издавна излюбленное и современному человеку непонятное и чуждое,—в мир символика и каких-то граней «познаваемого».

Таков он, художник театра, который редко страдает грехом пресности. Он один в своем театре, он и никто другой (ибо его театр принадлежит к типу, так называемых «безактерных театров», т. е. театров, имеющих отдельные, более или менее талашливые творчески актерские единицы, но базирующихся в своей основной деятельности на работе постановщика и режиссера). Он—один истинный творец и истинный актер своего театра, он и есть театр Мейерхольда даже при плохом выполнении и осуществлении его идей.

В этом можно было лишний раз убедиться в настоящем сезоне на таком препплохом спектакле, как «Вступление». Пьеса,—вернее, совершенно ничтожный сценарий,—никак не могла вдохновить Мейерхольда. Чувствовалось, что он увял здесь, как-то, автоматически разрешал задачи своей постановки. Но стоит проскучать весь вечер из-за тех двух-трех моментов подлинного театрального искусства, по-настоящему высокоталантливых и острых озарений в этом спектакле, которые не так часто найдешь в чистых, гладких и прилизанных спектаклях других театров.

Я не говорю о сцене попойки, которую так хвалили наши рецензенты. Разложение немецкой интеллигенции, показанное здесь во всеоружии световых, музыкальных и мизансценировочных приемов, не кажется мне оригинально схваченным. Сцена перегроможена сверх меры, растянута, однообразна и скучна; нет того штриха, той маленькой одной искры, которая сразу лучше всяких сложных и многочисленных натуралистических деталей озарит весь творческий смысл картины. И финал (с бюстом Гете), хотя и театрально-эффективный, кажется мне надуманным, искусственной концовкой «под занавес», от которой веет позой. Зато вот эти искры озаренности: эпизод с Ганшке. Свеча, венок, черное и красное... На человека, у которого умер сын, за застывший пустой манекен—надевают накрахмаленную манишку, сюртук и цилиндр. Его ставят у комода, и вот он стоит—не живой и не мертвый—человек или нечеловек, пустой, в «приличном» виде современного маскарада «культуры», «маска», от которой несет жутью таинственности и пустоты; подносят зеркало, световые зайчики бегут по человеку, как по пустой вещи...

И другой, полный свежей радости, момент последнего акта: широкое окно, много света, вербы в вазе, ветер, широко колышущий светлую занавеску. В Художественном театре были в свое время знаменитые «колышущиеся занавески», которые в системе этого театра, в одном ряду с другими однозначащими моментами (знаменитыми «сверчками», темными пятнами под картинами на стенах, вишневым цветом «настоящих» деревьев) определяли натуралистическую подлинность живого и «настоящего» на сцене. У Мейерхольда—это не система, а яркий,

чисто импрессионистический прием, деталь, призванная создать впечатление не подлинной жизни, не подлинных «вещей», а явлений и образов—образа весны в периоде, в данном случае—свежего весеннего дня...

Вот в этих «искрах» и весь Мейерхольд.

И вот перед нами, заранее возбуждавший самые разнообразные ожидания, спектакль классики—«Свадьба Кречинского» Сухово-Кобылина, тот подлинный, высокого художественно-театрального качества материал, которого так недостает Мейерхольду в его творческой работе. В какой степени эти ожидания сбылись, оправдались?

Скажу прежде всего о самой пьесе.

В наши дни необычайно возрос—в критике и у театральных деятелей—интерес к театру Сухово-Кобылина. При всех солидных основаниях к этому, театр Сухово-Кобылина все же постигла участь, обычная для всякого увлечения. Он явно переоценен в пресувеличенных и пышно блистательных превосходных степенях, на которые такой неумеренный мастер, например, Л. Гроссман, пишущий о «неотъемлемом и необычном месте автора в ряду таких мировых трагиков», как Эсхил, Шекспир и Расин, «кажется, никогда еще ужас человеческого бытия не облакался в такую блистательную оболочку комедийного мастерства», (причем речь идет о всех трех пьесах Сухово-Кобылина, в том числе и о «Свадьбе Кречинского»).

Я не буду здесь говорить о всем «театре Сухово-Кобылина» в его целом, а остановлюсь только на непосредственной теме настоящих замосток, именно на «Свадьбе Кречинского». В богатстве всего сухово-кобылинского театра, она, на наш взгляд, наименее значительная, лишенная тех идейных и формальных моментов, которые отличают в такой степени и «Дело» и «Смерть Тарелкина». В «Свадьбе Кречинского» нет тревожных углублений, свойственных Сухово-Кобылину,—своеобразно изломанных каких-то мучительных подходов к внутренней природе человека, нет протескового разложения драматической формы и образов—«Сверти Тарелкина»,—она проще, обычнее, беднее, она менее проблемна, да и вообще, кажется, лишена этого свойства.

Проверка временем подтвердила многое в подходе старой критики к современникам в этой пьесе.

Эта критика и для нас представляет несомненный интерес чисто драматургического анализа пьесы, почему я и считаю уместным на время задержаться на ней, тем более, что она как-то не попала в поле зрения современных исследователей творчества Сухово-Кобылина. «Современник», в котором впервые напечатана была эта первая комедия Сухово-Кобылина, отмечает в ней «большие сценические достоинства». «Библиотека для чтения» (1856 г., X) констатирует тоже значительный «сценический успех» комедии, одной из лучших в «нашем бедном репертуаре», хотя «критика, журналы и отозвались о комедии чрезвычайно холодно». Отзыв «Отечественных записок» (1856 г., I) уже содержательнее; отмечает большой драматический талант в авторе, «очень искусную очерченность некоторых характеров», «ум и умение вести интригу», журнал констатирует «при всех этих достоинствах» и важный недостаток: содержание комедии анекдотическое и вся она отзывается французским влиянием, отчего частью и теряет свое серьезное значение. Кречинский либо не типический, и исключения не должно давать место особенно в высокой комедии, в этом зеркале нравов. Вот причина почему пьеса и не получила значения. Но ведь и содержание «Ревизора»—«анекдотическое» и «исключительное»,—могли бы мы возразить критику, если бы не поняли существа его замечания: «анекдотическое» имеет право на свое существование в области искусства только тогда, когда оно поднято на степень «типических» обобщений.

Значительнейший интерес представляет среди всех журнальных рецензий о «Свадьбе Кречинского» статья в катковском «Русском вестнике», одном из либеральных журналов в этот его период, вдобавок блестяще поставленном в чисто-литературном отношении (здесь начал Щедрин, печатались Тургенев, Л. Толстой, Достоевский). Критик «Русского вестника» (1856 г. I) отмечает в пьесе «недостаток того, что мы называем «свободным творчеством». «Он интересуется больше интригой и